

Карета ехала по каменистой дороге, и её немилосердно трясло.

Янь У поначалу сидел напротив Янь Ляна, но стоило ему увидеть, как его хрупкого господина подбрасывает на ухабах, он тут же поспешил на помощь.

— Господину не худо?

Янь У, самозабвенно оберегая Янь Ляна, поддерживал его, чтобы тот не упал, и совсем не заметил, насколько двусмысленной была его поза.

Тот, чьи плечи и талию мертвой хваткой сжали чужие руки, лишь молчал.

Янь Ляна силой прижали к груди Янь У, и его лицо больно уперлось во что-то твердое.

Он запустил руку под одежду стража и нащупал твердый, как камень, предмет. Потянув за него, он вытащил целую вереницу безделушек.

Янь У побледнел и, быстро опустившись на колени, принялся собирать их и прятать обратно за пазуху. Но как бы быстр он ни был, глаза Янь Ляна оказались быстрее.

Взгляд Янь Ляна словно обожгло; он ошеломленно отвернулся, а рука в рукаве невольно сжалась в кулак.

Тот ворох рухляди, что он вернул Янь У, теперь хранился как величайшее сокровище у самого сердца.

... И в лицо ему упёрлось именно то нефритовое кольцо, которое носили на большом пальце.

Неужели он так дорог ему? Почему же при виде этого на душе становится так горько?

— Господин... к кому ваш подчинённый сопровождает вас?

Янь У не поднялся, так и остался на коленях у его ног, неумело пытаясь отвлечь внимание господина.

— Приедем — узнаешь.

Янь Лян и не собирался устраивать допрос; он лишь легонько толкнул его коленом, веля подняться.

Примерно через час пути карета остановилась у неприметной чайной.

Янь У первым спрыгнул на землю, откинув полог, и подставил скамеечку:

— Осторожнее, господин.

Янь Лян сошёл вниз и поднял взгляд на деревянную вывеску чайной. Увидев на ней два искусно выведенных иероглифа, он вдруг решил подразнить стража.

— Гляди, что за слова на вывеске?

Бедный теневой страж, усердно поправлявший воротник княжеских одежд, замер в замешательстве.

— Ваш подчинённый... подчинённый...

Янь Лян стряхнул невидимую пыль с рукава и, прижимая к себе грелку, невозмутимо произнес:

— Если не скажешь, то и заходить со Мной не нужно.

Видя, что князь уже собрался идти внутрь, Янь У в тревоге ухватил его за только что поправленный рукав и тихо взмолился:

— Ваш подчинённый виноват. Отныне я обещаю усердно учиться и читать, молю вас, возьмите меня с собой.

Пусть чайная и была неприметной, на улице было многолюдно, и двое мужчин, тянувших друг друга за одежды, привлекали лишнее внимание.

Янь Лян не желал быть посмешищем, а потому с суровым лицом всё же повел его за собой.

Войдя внутрь, он поднялся на второй этаж и толкнул первую дверь слева.

Комната была изящно обставлена, в воздухе витал аромат чая. На видном месте сидел сухопарый мужчина средних лет в сером халате: с маленькими глазами, выступающими скулами и тонкими усами, расходившимися книзу.

Янь Лян замер в дверях в раздумьях. Этот человек... не на лекаря похож, а на шарлатана.

— Ваш покорный слуга приветствует князя.

Мужчина ничуть не смутился при виде вельможи и спокойно поднялся, кланяясь.

— Лекарь, не нужно церемоний.

Янь Лян изобразил мягкую улыбку и, пройдя вперед, сел.

Янь У закрыл дверь и молча встал за плечом господина.

— Я буду краток, — Янь Лян накрыл чашу рукой, не давая лекарю Вану налить чай.

— Прошу князя подробно описать недуг, — лекарь отставил чайник.

Янь Лян не стал ничего скрывать:

— Я... в последнее время часто всё забываю. Мысли путаются. Когда слуги рассказывают о моём прошлом... мне кажется, будто речь идёт о совершенно другом человеке.

— Это касается дел, и... людей — тоже.

Лекарь Ван задумался:

— Дарует ли мне князь прощение за дерзость? Позвольте узнать, болели ли вы чем-то до этого?

— ...Болели? — Янь Лян не мог припомнить.

— Князь упал в воду на Праздник Фонарей. В ту же ночь у него начался жар, и он пролежал в постели несколько месяцев, прежде чем поправиться, — сердце Янь У бешено заколотилось:

только теперь он понял, зачем они сюда приехали.

Он неосознанно положил руки на плечи Янь Ляна и слегка сжал их; князь же, не заметив ничего предосудительного, сосредоточенно смотрел на стол из красного дерева, погруженный в мысли.

Лекарь Ван повидал в своей жизни всякое, но такое зрелище предстало перед ним впервые.

Его усы дрогнули, он недоверчиво протер глаза. ... Боги, неужто это правда?

Князь империи Янь... и его страж?

Всё, дело плохо. По одному виду этого встревоженного слуги ясно, что история непростая. За что ему такое наказание — лицеизреть дворцовые интриги?

Кажется, за лечение такой болезни он не возьмется, а не то ещё головы лишится...

Взгляд Янь У потемнел:

— Лекарь, я знаю всё о недуге моего господина и о том, что именно он забыл. Позвольте ли вы поговорить с глазу на глаз?

<http://bllate.org/book/22107/2316104>